

бою въ персидскій походъ, въ которомъ онъ сопровождалъ Петра Великаго, въ 1722 году. Во время похода ученіе Антиоха не прерывалось ни на минуту; самое путешествіе это практически не могло не быть чрезвычайно полезно любознательному четырнадцатилѣтнему юношѣ. Страсть и уваженіе къ учености были такъ сильны въ старомъ Кантемирѣ, что онъ желалъ имѣть наслѣдникомъ своего имѣнія того изъ сыновей, который больше другихъ отличится въ наукахъ. Онъ даже просилъ объ этомъ Петра Великаго, а въ духовномъ завѣщаніи прямо указалъ на Антиоха, какъ на того изъ своихъ сыновей, который по способностямъ и познаніямъ достоинъ быть наслѣдникомъ его имѣнія. *) Въ 1725 году была учреждена С.-Петербургская Императорская Академія Наукъ, и Антиохъ выслушалъ курсъ высшихъ наукъ у иностранныхъ профессоровъ, приглашенныхъ Петромъ Великимъ въ Россію. Математикѣ учился онъ у Бернуллія, физикѣ—у Вильфингера, исторіи—у Беера, нравственной философіи—у Гросса. Блестящія дарованія скоро обратили на молодого Кантемира общее вниманіе. Еще бывъ поручикомъ преображенскаго полка, почти двадцати лѣтъ отъ роду, онъ едва не былъ посланъ къ французскому двору; намѣреніе это почему-то было отменено, но оно показываетъ, какой репутаціей пользовался этотъ молодой человѣкъ въ такое время, когда молодость считалась порокомъ, отъ котораго едва избавлялись въ сорокъ лѣтъ. По нѣкоторымъ словамъ книги Беера можно заключить не безъ основанія, что первыя три сатиры Антиоха Кантемира не мало способствовали его возвышенію въ глазахъ самого правительства. Въсѣтъ съ его братьями, Матвѣемъ и Сергіемъ, и сестрой Марьею Анна Іоанновна пожаловала ему тысячу тридцать крестьянскихъ дворовъ. Въ 1731 году онъ былъ посланъ въ Лондонъ въ качествѣ резидента. Пробѣжая чрезъ Голландію, Кантемиръ запасся книгами и поручилъ одному книгопродавцу въ Гагѣ напечатать сочиненіе своего отца: «Описаніе историческое и географическое Молдавіи»; впрочемъ, это сочиненіе не было напечатано.

*) Впрочемъ, это дѣло какъ-то безтолково объяснено въ книгѣ Беера: на стр. 321 сказано о второмъ сынѣ князя Димитрія, Константинѣ, что «Императоръ Петръ II, снисходя на желаніе умершаго родителя его, князя Димитрія, повелѣлъ (19 мая 1729 года) въ недвижимомъ имѣніи быть одному ему наслѣдникомъ.» Во всякомъ случаѣ, и всѣ другіе братья Константина не остались бѣдняками, благодаря щедротамъ Петра Великаго и его дремерниковъ. Такъ какъ Антиохъ не былъ женатъ и не оставилъ по себѣ наслѣдниковъ, то имѣніе его перешло къ братьямъ.

Въ Лондонѣ Кантемиръ былъ принять съ отличіемъ, какъ ученый человѣкъ и глубокий политикъ. За удовлетворительное окончаніе возложеннаго на него порученія онъ былъ облеченъ значеніемъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Свободное отъ политическихъ занятій время онъ посвящалъ наукамъ и бесѣдѣ съ учеными людьми Англіи, которую онъ почиталъ просвѣщеннѣйшей страной въ мірѣ. Знакомство съ нѣкоторыми итальянцами побудило его выучиться итальянскому языку, которымъ онъ такъ хорошо овладѣлъ, что и говорилъ, и писалъ на немъ какъ природный итальянецъ. Вслѣдствіе оспы, которую Кантемиръ перенесъ въ дѣтствѣ, онъ всегда страдалъ истеченіемъ мокроты изъ глазъ. Отъ усиленнаго занятія чтеніемъ въ Лондонѣ эта болѣзнь до того у него усилилась, что онъ поѣхалъ въ 1736 году въ Парижъ лѣчиться у знаменитаго въ то время врача Жандрона, лейбъ-медика французскаго регента. Жандронъ дѣйствительно помогъ Кантемиру; а когда, въ 1738 году, Кантемиръ пріѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ полномочнаго министра, то и совсѣмъ излѣчилъ его отъ глазной болѣзни. Въ 1739 году Кантемиръ былъ наименованъ чрезвычайнымъ посломъ при французскомъ дворѣ. При запутанныхъ обстоятельствахъ этой эпохи Кантемиръ удержался въ милости и при Правительницѣ, которая пожаловала его въ 1741 году въ тайные совѣтники, и при Елисаветѣ Петровнѣ, подтвердившей его въ этомъ чинѣ. Въ Парижѣ Кантемиръ велъ жизнь уединенную, зная только съ людьми учеными и литераторами, и съ страстью предавался ученію. Съ особеннымъ рвеніемъ занимался онъ тогда алгеброй и сочинилъ на рускомъ языкѣ «Руководство къ Алгебрѣ», которое осталось въ рукописи. Батюшковъ, представившій Кантемира въ бесѣдѣ съ Монтескьѣ, аббатомъ В. и аббатомъ Гуаско, справедливо замѣтилъ, что Кантемиръ писалъ бы стихи и на необитаемомъ островѣ, потому что онъ писалъ ихъ въ Парижѣ, который въ отношеніи къ нему, какъ къ стихотворцу, былъ для него дѣйствительно необитаемымъ островомъ. Весь характеръ, вся личность Кантемира отразилась въ этихъ, его же, стихахъ:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ
доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ во-
ленъ
Мыслей, что мучать другихъ, и топчетъ на-
дежду
Стезю добродѣтели къ концу неизбежную.
Небольшой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Даетъ нужное моеи умѣренной волѣ;
Не скудный, не лишній кормъ, и среднюю за-
баву,